
И. В. ТУНКИНА

**Г. В. ВЕРНАДСКИЙ И ЕГО НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
1915–1917 гг. ПО ИСТОРИИ РОССИИ XVIII в.¹**

Имя профессора русской истории Йельского университета в Нью-Хейвене (США) Георгия Владимировича Вернадского (1887–1973) хорошо известно специалистам по истории России и русской эмиграции как одогу из теоретиков евразийства.² Сын одного из крупнейших деятелей естествознания академика В. И. Вернадского (1863–1945), Георгий закончил историко-филологический факультет Московского университета, где учился у профессоров М. М. Богословского и А. А. Кизевветтера. На четвертом курсе университета (1909–1910) он избрал темой научных занятий историю Сибири, в частности историю освоения русскими Якутского края в XVII в. «Громадный, тогда еще сравнительно мало разработанный материал находился в московском архиве Министерства юстиции..., — вспоминал Г. В. Вернадский. — В этот материал я с увлечением и погрузился».³ Итогом архивных изысканий стали три работы: «О движении русских на восток», «Против солнца. Распространение русского государства к востоку», «Го-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 09-06-00103 и РГНФ, проект № 08-01-91113а/У, программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

² См. о нем: *Пушкарев С. [Г. Вернадский] // Новый журнал. 1973. № 113. С. 266–270; Halperin Ch. Y. Russia and Stepp: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1985. Bd 36. S. 55–194 (библиография трудов Г. В. Вернадского: С. 188–194); Пауцто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; Дуровцев В. И., Соничева Н. Е. Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) // Портреты историков: Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1: Отечественная история. С. 322–331; Соничева Н. Е. Вернадский Георгий Владимирович // Историки России. Биографии / Сост. и отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 2001. С. 624–631; Болховитинов Н. Н. Жизнь и деятельность Г. В. Вернадского (1887–1973) и его архив. Саргого, 2002.*

³ *Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 135.*

сударевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века».⁴

В 1912 г. видный деятель кадетской партии В. И. Вернадский, годом ранее в знак протеста против репрессивных действий министра народного просвещения Л. А. Кассо оставивший место ординарного профессора Московского университета, был избран ординарным академиком и, согласно уставу Петербургской АН, должен был переехать в северную столицу. В том же году Вернадский-младший обратился к профессору Петербургского университета С. Ф. Платонову с просьбой принять руководство над его магистерской диссертацией, на что получил согласие мэтра и с 1912 г. регулярно навещался в Петербург, куда он окончательно перебрался осенью 1913 г.⁵ Сдав магистерские экзамены, Г. В. Вернадский 1 июля 1913 г. был избран на должность приват-доцента по кафедре русской истории историко-филологического факультета Петербургского/Петроградского университета и стал читать спецкурс по истории Сибири XVII в., вел просеминарии о масонстве XVIII в. и «Русской историографии XVIII—первой четверти XIX вв.».⁷

Другим петербургским историком, оказавшим значительное влияние на молодого ученого, стал академик А. С. Лаппо-Данилевский, советовавший Г. В. Вернадскому в качестве магистерской диссертации написать биографию «видного елизаветинского сановника и дельца Петра Ивановича Шувалова на фоне его правительственной и коммерческой деятельности». Однако по совету отца Г. В. Вернадский остановил свой выбор на истории масонства XVIII в., заинтересовавшись его широкими международными связями и «возможностью исследования его на фоне истории европейской умственной жизни».⁸ В 1917 г. молодой ученый издал книгу «Русское масонство в царствование Екатерины II» (Пг., 1917), защищенную в качестве магистерской диссертации в Петроградском университете 22 октября 1917 г., за несколько дней до Октябрьской революции.

Именно А. С. Лаппо-Данилевский привлек Г. В. Вернадского к деятельности Исторического общества при Петербургском университете, где молодой историк сделал ряд докладов: на LX заседании секции русской истории 26 февраля 1914 г. «Государевы служилые и промышлен-

⁴ Вернадский Г. В. 1) О движении русских на восток // Научно-исторический журнал. 1914. Т. 1, вып. 2. С. 52–61; 2) Против солнца. Распространение русского государства к востоку // Русская мысль. 1914. № 1. С. 56–79; 3) Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века // ЖМНП. 1915. Т. 55. № 4. С. 332–354.

⁵ В Петербурге Г. В. Вернадский жил по адресу: Васильевский остров, Большой пр., д. 60б, кв. 21. См.: ПФА РАН, ф. 113, оп. 2, д. 76, л. 88, 89.

⁶ Список профессоров и преподавателей историко-филологического факультета Императорского, бывшего Петербургского, ныне Петроградского университета с 1819 г. Пг., 1916. С. 10–11.

⁷ Подробнее см.: Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004 (по указателю).

⁸ Вернадский Г. В. Из воспоминаний. С. 136.

ные люди в Сибири XVIII века», на LXIV заседании 10 декабря 1914 г. — «Дневник А. Я. Ильина (1775–1776 гг.)», на LXXI заседании 27 января 1916 г. — «Инструкция Г. Ф. Миллера для собирания исторических сведений по Сибири».⁹

Занятия Г. В. Вернадского русской историей XVIII–начала XIX в. под руководством А. С. Лаппо-Данилевского вылились также в составление двух карточных каталогов: 1) имен всех русских масонов XVIII–первой четверти XIX в., которую ученый передал на хранение в Рукописный отдел Библиотеки АН;¹⁰ 2) указатель чиновных особ Российской империи XVIII в. по месяцесловам времени Екатерины Второй (1765–1796), поступивший в Архив Конференции АН. Ряд писем Г. В. Вернадского А. С. Лаппо-Данилевскому посвящен составлению второй карточки и планам ее публикации на средства Академии наук. Так, в письме от 2 января 1917 г. Георгий Владимирович пишет старшему коллеге:

«Чтобы не опоздать к распределению типографских работ Академии, сообщаю Вам письменно предположения о печатании „Алфавита [или «Росписи», «Списка»] чиновных особ, упомянутых в месяцесловах Екатерининского времени (1765–1796)».

Составление карточек будет закончено, вероятно, в конце января, разборка — в конце марта. В апреле, надеюсь, можно будет приступить к печатанию. Весь Алфавит будет заключать не менее 30 тыс. имен. Считая по 30 имен на страницу в 2 столбца, до 500 имен на листе, предполагаю, что всего будет не менее 60 листов».¹¹

Причины обращения к этому историческому источнику поясняет собственноручная записка Г. В. Вернадского от 18 декабря 1915 г., сохранившаяся в фонде А. С. Лаппо-Данилевского. Публикую ее текст:

«Известно, с каким трудом приходится иногда отыскивать сведения о смерти и жизни того или другого упомянутого в памятниках деятеля XVIII века, если лицо это не выдвигалось в первые ряды государственных деятелей. Для первых двух третей XVIII века собрать полные такие сведения — задача почти неосуществимая. Но для времени, начиная с вступления на престол императрицы Екатерины II, положение меняется.

Вскоре по вступлении своем на престол императрица Екатерина приказала составить „три таблицы или списка. Первый, повальный, всем служащим от фельдмаршала до последнего, в табели о рангах находящегося. Второй — в армии находящегося генералитета и прочих штаб- и обер-офицеров. Третий: в штатской службе определенных и не у дел находящихся» (Соч. имп. Екатерины II, акад. изд., т. XII, стр. 520). Вероятно, на основании этого третьего списка и появились „Месяцесловы“ или „Адрес-календари“ с „росписью чиновных особ государства“, выходявшие с 1765 г. В эту роспись включены были как служащие центральных учреждений, так и областных. Месяцесловы содержат, таким образом, богатейший материал для истории личного состава русского общества. Однако материал этот лежал до сих пор почти без употребления; для всего XVIII века месяцесловы не имели указателя, и найти в них какое-либо лицо, которого служебное положение и год службы в определенном учреждении неизвестны — почти невозможно.

Алфавитный список всех упомянутых в „Месяцесловах“ XVIII века чиновных особ, с указанием их служебного положения, позволяет привести в движение весь громадный личный материал, заключающийся в „Месяцесловах“.

⁹ ПФА РАН, ф. 113, оп. 2, д. 76, л. 34, 35, 54, 88.

¹⁰ Вернадский В. И. Из воспоминаний. С. 140.

¹¹ ПФА РАН, ф. 113, оп. 3, д. 87, л. 4–4 об.

Стоимость труда по составлению Алфавитного списка (при оплате труда 50 к. за час) выражается в следующих цифрах:

- 1) Месяцесловы 1765–1774 г.
(до Учреждения о губерниях).....120 р.
- 2) От Учреждения о губерниях до 1796 г.
(приблизительно по 28 р. каждый).....600 р.

Итого 720 р.

Приват-доцент Петроградского университета Вернадский
Петроград, 18 декабря 1915 г.».¹²

Составление картотеки чиновных особ было начато Г. В. Вернадским зимой 1915/16 г. и, судя по протоколам заседаний Отделения исторических наук и филологии АН, в январе 1916 г. ему за это было выплачено 720 руб.¹³ из академических сумм по русской истории. Спустя 11 месяцев, 7 декабря 1916 г., академик А. С. Лаппо-Данилевский представил Отделению исторических наук и филологии АН предварительный отчет Г. В. Вернадского о составлении указателя чиновных особ XVIII в. по месяцесловам времени Екатерины Второй:

«Предварительная часть работы в настоящее время близка к завершению. Имена „чиновных особ“, помещенных в большинстве месяцесловов XVIII века с „росписью“ этих особ, разнесены по карточкам (одна карточка большею частью на три месяцеслова). Карточки хранятся в особых ящиках в Архиве Конференции АН. Карточек имеется уже более 60 000. Совершенно закончены года 1765, 1766, 1769–1781, 1788–1796, начаты года 1767, 1768, 1782, 1783, 1784, до половины сделаны года 1785–1787; на завершение их потребуется не менее двух месяцев. Когда закончено будет составление карточек, предстоит разборка и сводка их, которая уменьшит общее их число предположительно до 30 тыс. Сводка карточек займет не менее 3 мес. Вся работа таким образом может быть окончена к апрелю–маю 1917 г.

Работа потребовала значительно больших средств, чем мною первоначально предполагалось, вследствие:

- 1) большего числа имен, чем было предварительно высчитано, в месяцесловах 1790 г. (для каждого более 1 тыс. имен);
- 2) необходимости, начиная с осени 1916, большей расценки труда лиц, мне помогавших (не 50, а 60 коп. за час работы);
- 3) вздорожание бумаги (для карточек) с 6 руб. до 9 руб. стопа (с нарезкою карточек).

Мною истрчено было до 15 ноября 1916 — 1100 руб., окончание карточек потребует до 320 руб., разборка и сводка карточек — до 300 руб., всего 1720 руб., получено же мною от Академии — 720 руб., таким образом получается дефицит в 1000 р.».

А. С. Лаппо-Данилевский ходатайствовал об ассигновании Г. В. Вернадскому еще 300 руб. на покрытие ближайших расходов по предпринятому изданию, и Отделение постановило выдать эти средства «из сумм по русской истории», о чем сообщило в Правление АН «для исполнения».¹⁴

¹² Там же, л. 7–8.

¹³ ПФА РАН, ф. 1, оп. 1а–1916, д. 163, л. 380 об.: Протокол 2 заседания ОИНФ от 27 января 1916 г., § 58.

¹⁴ Там же, л. 489 об.–490: Протокол 15 заседания ОИНФ от 7 декабря 1916 г., § 377.

К сожалению, в настоящее время судьба двух картотек, составленных Г. В. Вернадским в предреволюционные годы, неизвестна. Вероятно, после архивной реформы в АН СССР, последовавшей сразу за «академическим делом», картотеки, хранившиеся в Библиотеке АН и Архиве АН, были переданы в Центральные архивы.

К этим штудиям Г. В. Вернадского по истории XVIII–начала XIX в. примыкает неосуществленное издание книги «Инструкция Г. Ф. Миллера для собирания историко-географических сведений по Сибири, данная И. Э. Фишеру в 1740 г.». Еще 27 января 1916 г. на 71-м заседании секции русской истории Исторического общества при Петроградском университете Г. В. Вернадский прочел доклад «Инструкция Г. Ф. Миллера для собирания исторических сведений по Сибири»,¹⁵ текст которого сохранился в личном фонде историка в ГАРФ.¹⁶ Этот доклад стал основой для книги, которую планировала издать Академия наук. В протоколе Отделения исторических наук и филологии АН от 24 февраля 1916 г. зафиксировано представление этого проекта в речи А. С. Лаппо-Данилевского:

«Несмотря на труд П. П. Пекарского,¹⁷ научная деятельность Г. Ф. Миллера, особенно в качестве участника „Великой Сибирской экспедиции 1733–1743 гг.“, еще недостаточно обследована; в частности, одна из его работ, составленная им уже на обратном пути из Сибири, в 1740 году, а именно „Инструкция касательно того, что требуется для географического и исторического описания Сибири“ («Instruction was zu geographischer und historischer Beschreibung von Sibirien erfordert wird»), предназначенная для И. Э. Фишера, хотя и была известна П. П. Пекарскому, но до сих пор остается в полном ее составе неизданной; лишь часть ее (VI) вместе с приложениями была напечатана Ф. К. Руссовым по списку в „Сборнике музея по антропологии и этнографии“ (Т. 1. С. 37–109).¹⁸ В настоящее время приват-доцент Петроградского университета Г. В. Вернадский представил на мое рассмотрение копию с подлинного текста вышеозначенной инструкции Г. Ф. Миллера, находящейся в делах Камчатской экспедиции, с предисловием к ней; желательно было бы, ввиду любопытного его содержания, напечатать ее в одном из академических изданий в 400 экз., в формате „Известий“, причем акад. В. В. Радлов и К. Г. Залеман любезно выразили готовность наблюдать за ходом издания.

Положено напечатать отдельным изданием в 400 экз. под наблюдением акад. В. В. Радлова и К. Г. Залемана, о чем сообщить в Типографию и акад. А. С. Лаппо-Данилевскому».¹⁹

¹⁵ ПФА РАН, ф. 113, оп. 2, д. 76, л. 34.

¹⁶ ГАРФ, ф. 1137, оп. 1, д. 52. Инструкция Миллера для собирания историко-географических сведений по Сибири. 58 л.

¹⁷ Имеется в виду кн.: *Пекарский П. П.* История Имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 308–430.

¹⁸ Речь идет о публикации на нем. яз. этнографической части инструкции (6-й части) с 4 приложениями к ней, с предисловием Д. А. Клеменца, в кн.: Сборник Музея по антропологии и этнографии при Имп. Академии наук. СПб., 1900. Т. 1. С. 37–109 (*Клеменц Д. А.* Предисловие. С. VII–X; Объяснение встречающихся в Инструкции Миллера слов. С. XI–XX; Einleitung. S. 1–5; Ethnographischer Theil. S. 7–109).

¹⁹ ПФА РАН, ф. 1, оп. 1а–1916, д. 163, л. 389 об.: Протокол 4 заседания ОИИФ АН 24 февраля 1916 г., § 83.

Несмотря на положительное решение АН о публикации, из-за революционных потрясений 1917 г., Гражданской войны, череды смертей академиков К. Г. Залемана (1916), В. В. Радлова (1918), А. С. Лаппо-Данилевского (1919) и вынужденной эмиграции Г. В. Вернадского (1920) проект остался нереализован. Книга тиражом 415 экз. стояла в плане изданий академической типографии вплоть до 1919 г.²⁰ и, по некоторым сведениям, там успели набрать 6 п. л. корректуры.²¹ Поиски ее следов в различных фондах петербургского академического архива пока оказались безрезультатны.

В Государственном архиве Российской Федерации в Москве в составе личного фонда Г. В. Вернадского удалось обнаружить два дела: исследование о жизни и деятельности Г. Ф. Миллера²² и уже упомянутый доклад с материалами к нему «Инструкция Миллера для собирания историко-географических сведений по Сибири».²³ В первом деле сохранился черновой текст Г. В. Вернадского его неизданной статьи о Г. Ф. Миллере для «Русского биографического словаря».

Как известно, инструкция была составлена Г. Ф. Миллером в Сибири в конце 1740 г. для адъюнкта И. Э. Фишера, который приехал ему на смену, однако академик не успел ее приготовить ко дню их встречи. Подлинник, написанный рукой самого Г. Ф. Миллера и им скрепленный, был отправлен в Академию наук,²⁴ куда поступил в начале 1741 г. и хранился в Архиве Конференции АН.²⁵

Инструкция на 110 листах состоит из 6 глав, разбитых на 1347 параграфов, к которым добавлены «приложения» — о собирании географических карт, всякого рода рисунков и чертежей и «разных вещей» (*Antiquitæten, Kleidungen etc.*) для Императорской Кунсткамеры.

Обязанности историка по описанию географии и истории Сибири, говорит инструкция, могут быть распределены на шесть главных отделов:

²⁰ Отчет о деятельности Имп. АН по Отделению физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1916 г., составленный непреходящим секретарем академиком С. Ф. Ольденбургем. Пг., 1916. С. 422; Отчет... за 1917 г. Пг., 1917. С. 357 № 44; Отчет... за 1919 г. Пг., 1920. С. 346 № 45.

²¹ *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII—середина XIX в.). СПб., 2002. С. 32. Сн. 41.

²² ГАРФ, ф. 1137, оп. 1, д. 51. 141 л.

²³ Там же, д. 52. 58 л.

²⁴ Протоколы заседаний Конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 год: В 4 т. СПб., 1897. Т. 1. С. 668 (21 марта 1741 г.).

²⁵ ПФА РАН, ф. 21, оп. 2, д. 8 (на нем. яз.); оп. 5, д. 36, 89; ф. 934, оп. 1, д. 74; Р. 1, оп. 26, д. 4; РГАДА, ф. 199, оп. 2 (Портфели), д. 526, ч. 1: Инструкция г-ну адъюнкту Фишеру, когда он был послан в Сибирь на мое место. 107 л., на нем. яз. Перевод этнографической части на рус. яз. академического переводчика И. Голубцова см.: РГАДА, ф. 199, портф. 508, д. 1, л. 1–129. Причины разрозненности подавляющего большинства документов Г. Ф. Миллера между РГАДА (Москва) и ПФА РАН (Петербург) проанализированы в статье: *Тункина И. В.* О судьбе рукописного наследия Г. Ф. Миллера // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 2. С. 3–11.

1. «Вести обязательный журнал всего путешествия», не пропуская ни одного дня пути, чтобы не оказалось не внесенным в журнал ни одно «дорожное наблюдение». От времени до времени следует переписывать журнал начисто и отдавать его в переплет, чтобы быть спокойным, что «ничто из него не потеряется».

2. «Замечать все относящиеся до географии» — положения острогов и слобод, формы поверхности, реки, их старые русла, заливы, очертания берегов, шивера, пороги, щелки, становища инородцев, зимовья промышленников и пр.

3. «Описывать современное состояние городов и принадлежащих к ним крепостей, острогов, слобод, уездов, волостей» — расположение города, укрепления его, общественные здания, церкви и монастыри, рынки, школы, таможенные заставы, промышленность, администрацию, состав населения и пр.

4. «Просматривать архивы и сочинить подробную историю Сибири».

5. «Собирать и описывать здесь и там попадающиеся древности». В этом отделе Миллер указывает на необходимость внесения в журнал «природного положения» найденного памятника, точных его размеров (высоты вала, глубины могилы и пр.). Затем им приводится краткий обзор древностей, которые находятся по Оби, Иртышу, Енисею, за Байкалом и в других местах Сибири.

6. «Узнавать о нравах и обычаях языческих и прочих нерусских народов и составить особое подробное их описание». Этот отдел инструкции хорошо проясняется составом приложенного к нему словаря для собирания языков и диалектов нерусских народов.²⁶

И. Э. Фишер остался недоволен инструкцией, найдя ее слишком краткой, с чем Г. В. Вернадский-историк был категорически не согласен. На его взгляд, в инструкции нет ничего лишнего — она представляет «широкую и обоснованную программу научной деятельности», причем, в отличие от инструкций Г. Ф. Миллера участникам Второй Камчатской экспедиции естествоиспытателям Г. В. Стеллеру и С. П. Крашенинникову, наставление историку и филологу И. Э. Фишеру особенно отличается сведениями об архивах. Присутствие специальной исторической главы отличает ее и от ценнейших «Предложений» В. Н. Татищева (1739), в которых преобладают естественно-исторические сведения. На взгляд Г. В. Вернадского, программа Г. Ф. Миллера *уже и систематичнее*, чем у В. Н. Татищева. Она имеет два отдела — исторический и этнографический, к которым как бы добавлен географический отдел. Инструкция Г. Ф. Миллера вполне самостоятельна и «представляет плод его собственной собирательной деятельности» благодаря 8-летнему опыту путешествия по Сибири. Вопросов у Г. Ф. Миллера гораздо больше, чем у В. Н. Татищева, и они систематизированы иначе, причем очень многие вопросы задаются им не случайно, а применительно к *конкретным условиям данной местности и конкретного народа*, в частности, из области археологии и этнографии, поэтому они не носят отвлеченного характера. Они представляют не только *программу* дальнейшей деятельности, но и *обозрение* тех результатов изучения, которые были достигнуты самим Г. Ф. Миллером.²⁷

Собственно историческая часть, на взгляд Г. В. Вернадского, занимает в инструкции сравнительно малое место, но она имеет существен-

²⁶ ГАРФ, ф. 1137, оп. 1, д. 52, л. 33а–33д.

²⁷ Там же, л. 1–4.

ное значение. Если в этнографическом и географическом отделах Г. Ф. Миллер развивал мысли, которые «входили уже в ученое сознание» (в России — через Академию наук и В. Н. Татищева), то в главе об описании архивов, по мнению Г. В. Вернадского, Г. Ф. Миллер предшественников не имел, так как выдвигал здесь совершенно новые пути исторического изыскания. Эти идеи нашли свое проявление в неосуществленном проекте создания в Петербургской Академии наук Исторического департамента, составленном Г. Ф. Миллером в 1746 г.²⁸

По вопросам академика можно судить не только о том, чего он *добивался* в исследовании, но и что он *узнал* во время экспедиции, концентрированное отражение всего опыта, приобретенного им в путешествии по Сибири. Таким образом, это «не только программа, но и сжатое обозрение всего, им сделанного» в Сибири. Сам Г. Ф. Миллер высоко ценил свою инструкцию, о чем свидетельствует автобиография «Описание моих служб», где в пункте 18 академик упоминает свое «Наставление обо всем том, что историк в Сибири наблюдать должен, изготовленное мною для профессора Фишера, когда он на мое место туда отправлен был, вперед при таких же случаях основанием служить может».²⁹ Таким образом, инструкция представляет полное и точное руководство для историка и этнографа — путешественника по Сибири. По убеждению Г. В. Вернадского, это «основной памятник методики русских исторических исследований» той эпохи, заслуживающий скорейшей публикации на русском языке.³⁰

Парадокс состоит в том, что инструкция Г. Ф. Миллера И. Э. Фишеру как на немецком языке, так и в русском переводе в полном виде до сих пор не издана ни в России, ни за рубежом.³¹

Обстоятельства жизни Г. В. Вернадского сделали невозможным публикацию планируемой книги в постреволюционной России. Летом 1917 г. ученый был избран профессором русской истории Омского политехнического института, осенью отправился в Сибирь, но доехал лишь до Перми, где принял должность лектора новой русской истории Пермского университета. В августе 1918 г., опасаясь ареста ЧК, историк уехал сначала в Киев, затем в Симферополь, где стал профессором Тавриче-

²⁸ Там же, л. 32, 52.

²⁹ Голицын Н. В. Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899. С. 139.

³⁰ ГАРФ, ф. 1137, оп. 1, д. 52, л. 4, 9, 31–32.

³¹ В русских переводах опубликованы лишь археологическая и этнографическая части программы Г. Ф. Миллера: Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1894. Т. 1, вып. 3. Прилож. С. 106–114 (русский перевод 5-й (археологической) части инструкции); Миллер Г. Ф. Показание, каким образом при описании народов, а паче сибирских, поступать должно // Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. Прилож. 1: Этнографическая программа Г. Ф. Миллера. С. 181–226 (публикация русского перевода академического переводчика И. Голубцова). В ближайшее время В. Хинтцше (ФРГ) планирует немецкое издание, а А. Х. Элерт — русский перевод ее текста во второй части VIII тома многотомной серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов». См.: Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше; Пер. с нем. А. Х. Элерт. М., 2009. С. 5.

ского университета (Симферопольского филиала Киевского университета). В 1920 г. в правительстве генерала Врангеля кадет Г. В. Вернадский занимал пост начальника Главного управления по делам печати и покинул Крым вместе с остатками Белой армии в октябре того же года — через Константинополь он уехал в Афины, где работал библиотекарем в Русском студенческом союзе. В 1921 г. ученый перебрался в Прагу и стал профессором истории русского права Русского юридического факультета (1922–1927), слушателем и учеником акад. Н. П. Кондакова, затем одним из создателей и директором (1925–1927) Семинария им. Н. П. Кондакова, впоследствии был председателем правления Археологического института им. Н. П. Кондакова (февраль–июль 1935 г.), являлся членом Русского исторического общества и Славянского института. В Праге он сблизился с евразийцами, испытал влияние П. Н. Савицкого, что нашло отражение в ряде его исторических трудов. По моему убеждению, формированию «евразийских» взглядов Г. В. Вернадского во многом способствовали его занятия историей Сибири XVII–XVIII вв.

В 1927 г. с помощью академика М. И. Ростовцева, знавшего Георгия Владимировича с магистрантских времен, и друга юности, с 1917 г. секретаря русского посла в Америке С. М. Бахметьева, затем профессора Гарвардского университета М. М. Карповича Вернадский перебрался в США и стал преподавателем (1927–1947), затем профессором русской истории (1946–1956), с 1956 г. заслуженным профессором (*emeritus professor*) в Йельском университете. Г. В. Вернадский также читал лекции в Гарвардском (1931–1932) и Колумбийском (1949) университетах, был членом Американской ассоциации для продвижения славистических исследований (почетный президент с 1965 г.), Американской исторической ассоциации, Американской средневековой академии и пр. Возможно, неизданная рукопись русского перевода инструкции Г. Ф. Миллера адъютанту И. Э. Фишеру, выполненная Г. В. Вернадским, пока безуспешно разыскиваемая в архивах России, хранится в составе личного фонда ученого (*George Vernadsky Papers*) в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке (США).

SUMMARY

The article is devoted to the undelivered G.V. Vernadsky's projects (1915–1917) on the history of Russia of the 18th c.: the catalog of the names of all Russian freemasons of the 18th to the beginning of the 19th cc.; index of names of all bureaucracy of the Russian Empire on «*Mesyatseslovny*» of the time of the empress Catherine the Great (1765–1796), and the plan of publication of the book «The academician G. F. Mueller' instruction to J. E. Fischer for the collection of historical and geographical information on Siberia, given in 1740». Last two works had to be published by the Academy of

Sciences, but after the October revolution this two books remained unpublished. In the Russian archives (State Archive of the Russian Federation, St.-Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences) are kept only the documents on the preparation of these works for the publication. Perhaps, some of these materials hold in Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture in New York (George Vernadsky Papers).